

УДК 94(571.51/.52).083:314.745

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-3-82-88

Адаптация мордовских переселенцев на юге Енисейской губернии (последняя четверть XIX – первая треть XX вв.)

Н.А. Баранцева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», ул. Ленина 92/1, Абакан, Респ. Хакасия, Россия
barantzeva@inbox.ru

Статья поступила 11.08.2022, принята 5.09.2022

Целью исследования является анализ процессов адаптации мордовских этнических групп в переселенческом сообществе на территории юга Енисейской губернии в последней четверти XIX – первой трети XX вв. В статье представлены динамика численности, основные ареалы расселения, стратегии приспособления мордвы к условиям проживания в Сибири. Привлечены и систематизированы новые архивные материалы применительно к тематике исследования. В заключении статьи сделаны выводы о том, что мордовское сообщество сумело выработать необходимые механизмы выживания в сложных географических, хозяйственных, социокультурных условиях мест вселения. Несмотря на процессы ассимиляции, мордва сохранила черты самобытности в духовной и материальной сферах.

Ключевые слова: мордва, переселение, адаптация, дисперсное расселение, язык, идентичность, коренизация.

Adaptation of Mordovian immigrants in the south of the Yenisei province (the last quarter of the XIX - the first third of the XX centuries)

N.A. Barantseva

The aim of the study is to analyze the processes of adaptation of Mordovian ethnic groups in the resettlement community in the south of the Yenisei province in the last quarter of the XIX – first third of the XX centuries. The article presents the dynamics of population, the main areas of settlement, strategies for adapting the Mordvins to living conditions in Siberia. New archival materials have been studied and systematized in relation to the subject of the study. In conclusion, the article concludes that the Mordovian community has managed to develop the necessary survival mechanisms in difficult geographical, economic, socio-cultural conditions of the places of settlement. Despite the processes of assimilation, the Mordvins retained the features of identity in the spiritual and material spheres.

Keywords: Mordvins, relocation, adaptation, dispersed settlement, language, identity, korenization.

Введение. Население Енисейской губернии, образованной в 1822 г. в составе Ачинского, Енисейского, Канского, Красноярского и Минусинского округов (с 1898 г. уездов) формировалось за счет коренного и пришлого населения. Поток мигрантов имел полиэтничный характер. Переселенцы, оторванные от «исторической родины», находясь в иноэтничном окружении, стремились адаптироваться к природно-географическим, хозяйственным и социокультурным условиям края. Мигранты укоренялись в местном сообществе, «осибирячивались», используя как индивидуальные, так и групповые стратегии выживания [1, с. 262]. В последней трети XIX – первой трети XX вв. мордва стала одним из самых многочисленных этнических сообществ переселенцев, стабильно входящих в десятку народов Приенисейского края. Целью данной статьи является характеристика процессов

адаптации мордовских переселенцев в принимающее сообщество, в ходе которых происходила трансформация черт традиционной материальной и духовной культуры народа.

Исследование опирается на статистические источники [2, 3, 4, 5], делопроизводственную и законодательную документацию, содержащуюся в архиве г. Минусинска, государственных архивах Новосибирской области, Красноярского края, в тематических сборниках [6, 7]. Данные источники позволяют выявить динамику численности, возрастно-половой состав, географию выхода и вселения мордовских переселенцев на территории края, а также раскрыть политику государства в отношении инонациональных сообществ.

В историографии вопроса следует отметить ряд общих работ, посвященных формированию, структуре, географическим границам расселения,

этноконсолидирующим и этнодифференцирующим факторам мордовского этноса [8, 9, 10, 11]. В работах Овчаровой М. А. раскрываются этнодемографические процессы, границы расселения мордвы в Алтайском крае в контексте сохранения или утраты национальной идентичности [12, 13]. Автор концентрирует внимание на специфике проживания мордовских групп в иноэтническом окружении, что трансформирует культурные и трудовые традиции, традиционное хозяйство мордвы [14]. Шанкина Л. Н. описывает празднование традиционных православных праздников сибирской мордвы в контексте ее интеграции в полиэтничное сообщество [15].

В данной статье конкретизируются процессы миграции мордвы в Енисейскую губернию; анализируются этнодемографические, социально-экономические, политические и социокультурные процессы в мордовских этнических группах в ракурсе их адаптации в Сибири, что не было предметом специального исследования.

Основная часть. Отдельные поселения мордвы в Енисейской губернии появились уже в XVII–XVIII вв., однако массовое переселение мигрантов из Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Казанской губерний, преимущественно в Минусинский уезд, отмечалось в последней четверти XIX в. Мордва, как правило, размещалась в русских поселениях, но основывала и собственные деревни.

В пореформенный период миграционные процессы из Европейской России в Сибирь усилились. Аграрный кризис, сопровождавшийся экологическими проблемами в связи с истощением земельных угодий, возросшая плотность населения, формирование обширного контингента безземельных и малоземельных крестьян, ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали, предоставление льгот при переселении стимулировали миграционную активность населения.

В заселении новых территорий преобладала этническая группа мокша, хотя эрзя также участвовала в этом процессе. Кроме того, из Пензенско-Саратовского края и Заволжья переселялись на новые земли уже смешанные мокшанско-эрзянские группы [9, с. 16].

Природно-географические условия расселения мигрантов представляли все зоны от степи до тайги и лесотундры с резко континентальным климатом. Мордва при выборе мест поселения учитывала наличие свободной земли, леса, источников пресной воды. Наиболее активно заселяющейся территорией была зона Минусинского округа, одного из ведущих сельскохозяйственных районов Восточной Сибири [13, с. 76].

Традиционным занятием мордвы являлось пашенное земледелие: переселенцы возделывали рожь, ячмень, горох, просо, лён, коноплю, со вто-

рой половины XIX в. – картофель. Заметную роль в хозяйстве играли животноводство по разведению крупного и мелкого рогатого скота, а также бортничество. Основными ремеслами были железоделательное и кузнечное производство. Важную роль в хозяйстве играли прядение, ткачество, керамическое производство, деревообработка, смолокурение. Жилищно-хозяйственный комплекс включал сараи, хлев, конюшню, баню с печью-каменкой и другие постройки. Часто и строилась полуземлянка из двух помещений, в которой хранили ценное имущество (зерно и одежду), летом в ней спали [16].

В районах соприкосновения старожилов и переселенцев-мордвы происходил взаимообмен трудовыми навыками и хозяйственным опытом. Переселенцы привозили с собою новые земледельческие орудия, вводили новые промыслы – производство льняного и конопляного масла, бортничество и пр. Это ускоряло процессы аккультурация – взаимовлияния культур в ходе адаптации к преобладающей сибирской культуре.

На этническую принадлежность владельцев земельных угодий указывали микротопонимы, например, урочище Мордовское [17, с. 189]. В период столыпинского переселения в Курагинской волости Минусинского уезда выходцами из Мордовского края были основаны деревни Николаевка (Гольый Булук) – 562 переселенца (1904 г.), Черемшанка на р. Кызыр – 124 чел. (1911 г.) [4, с. 30-38].

По данным С. Патканова, представленным на основе всеобщей переписи 1897 г., в Енисейской губернии проживало 3742 чел. мордвы (0,76% в доле всех жителей). Основная её часть, относящаяся к волжско-финской языковой группе, сконцентрировалась в Минусинском уезде – 3246 чел. (86,7% от всего мордовского населения губернии). В Идринской волости сформировались целые мордовские деревни с компактно проживавшим населением: Петропавловская на р. М. Кныш с населением 542 чел., из них русских – 40, мордвы 502 (255 мужчин, 247 женщин); Мозинская на рр. Отрок и Козин с 263 жителями, из них русских – 48, мордвы – 213 (105 мужчин, 108 женщин); Березовская на р. Хабык с населением 728 чел., в том числе 328 русских, 394 мордвы (213 мужчин, 185 женщин). В Ачинском уезде основная часть мордовского населения проживала в д. Едет Шарыповского района (1,7%) [2, с. 322-325, 330-339, 374-375]. Компактное расселение мордвы укрепляло ее социокультурную самобытность.

В то же время образовались деревни, где мордва расселялась дисперсно среди русских и иных жителей: Мензатская на р. Мензат с числом жителей 399 чел., из них 308 русских, 91 мордвы (43 мужчины, 48 женщин); Идринское при рр. Съда и Идра с населением 1704 чел., из них 1550 русских, 12 ко-

ренных тюрков, 128 – мордва (67 мужчин, 61 женщина); Мало-Хабыкская на р. Хабык с 959 жителями, в том числе 897 русских, 29 – коренных тюрков, 6 – поляков, 27 мордва (10 мужчин, 17 женщин); Салбинская на р. Салба с населением 982 чел., из них 853 русских, 13 коренных тюрков, 1 татарин, 2 поляка, 113 мордва (58 мужчин, 53 женщины) [2, с. 374-375]. Районами проживания мордвы являлась также Курагинская волость (3,8% населения) – пос. Карташовский, Сидеревский, д. Можарка и др., Тесинская вол. (3,1%) – с. Больше-Кнышевское, Дятлово и др., Ермаковская вол. (1,2%) – д. Кындырлык [2, с.322-325, 330-339, 358-376].

Чересполосное проживание мордвы среди других этнических групп создавало предпосылки для взаимного обмена хозяйственно-бытовым опытом, в то же время оставляя возможность сохранения традиций в культурно-языковой сфере. Примерно равное соотношение в мордовских деревнях мужчин и женщин позволяло заключать по преимуществу этнически гомогенные браки, способствуя тем самым сохранению национальной идентичности.

В 1920 г., по неточным данным переписи населения, проводившейся в условиях Гражданской войны, численность мордвы в Енисейской губернии увеличилась до 4962 чел. (2429 мужчин, 2533 женщины) – рост 32,6% [6, с. 47-48]. Увеличение мордовского населения, по сравнению с началом XX в., объяснялось ростом вольной крестьянской колонизации, а также увеличением потока «голодобеженцев» из Поволжья. В марте 1921 г. переселенческий поток был приостановлен правительством в связи с недостатком свободного земельного фонда. Немногие для освоения участки оказались в тайге или безводной степи. Многие переселенцы погибли от голода и болезней.

Более точно численность мордвы Енисейской губернии отразила Всесоюзная перепись населения 1926 г. Среди других финно-угорских народов мордва вышла на первое место – 19,8 тыс. (1,27% в доле населения). Увеличение, по сравнению с 1920 г., составило 399,3%. Местами анклавного проживания мордвы по-прежнему оставался Минусинский округ – 59,5%, к которому добавились Канский (16,4%), Ачинский (12,1%) и Красноярский (9,2%). На долю Хакасского округа пришлось 2,8% представителей мордвы, размещенных дисперсно среди коренного и русского населения. Большинство мордовского населения являлось жителями сельской местности, горожане насчитывали 1,9% [3, с. 17-19, 38-40, 43-46, 52-54, 83-84].

В Минусинском округе крупными населенными пунктами проживания мордвы стали деревни Курская (147 чел.), Матихова (318) Абаканского района; Курск (871), Козино Козинского сельсовета (365), Козино Больше-Телекского сельсовета (81) Идрин-

ского района; Алексеевка (365) Каратузского района; Николаевка (126), Карташева Сидоровского сельсовета (142), Карташева Нижнее-Быстрянского сельсовета (106), Карташева Курганчикского сельсовета (37) Курагинского района; Краснополюск (68) Минусинского района [18, л. 140].

В Ачинском округе мордовское население компактно расселилось в Березовском (417 чел.), Боготольском (413), Тюхтетском (390) и Тисульском (320) районах. В Красноярском округе очагами анклавного расселения мордвы стали Больше-муртинский (487 чел.), Сухобузимский (258), Пировский (184) и Балахтинский (194) районы. В Канском округе мордва концентрировалась в Канском (849), Абанском (572), Тасеевском (442) районах [3, с. 242-243, 254-255, 260-261]. В остальных мордва проживала чересполосно с другими народами.

Адаптация переселенцев к жизни в Сибири, как отмечал В. И. Дятлов, осуществлялась в условиях «сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры». Отсутствие «возможности личного выбора места и условий проживания в замкнутых небольших коллективах», экстремальные условия природы обуславливали «русификацию и осибирячивание» мордвы [1, с. 262-263].

В советский период в отношении мордвы, как и других «восточных» народностей (татар, чувашей, зырян, хакасов) в Енисейской губернии решались задачи ликвидации неграмотности и «коренизации», включавшие перевод обучения с русского на родной язык. Но в период Гражданской войны многие школы оказались разорены, а в период НЭПа сняты с обеспечения Наркомпроса и переведены на местные средства. Многие советские работники игнорировали национально-культурные особенности этнических меньшинств, считая приоритетным сохранение русских школ. В 1921–1922 гг. в Енисейской губернии насчитывалось две мордовские школы [19, с. 228]. В 1925 г. работала только Павловская школа в Минусинском округе.

По материалам переписи 1926 г. только 22,1% мордвы умели читать и писать, 1/5 мордовского населения обучалась на русском языке. 68,2% мордвы знали родной язык, но их доля снижалась. 31,4% мордвы называли русский язык в качестве родного, что свидетельствовало о развивавшихся процессах языковой ассимиляции. Грамотность на родном языке была несколько выше в районах компактного проживания мордвы [3, с. 17-18, 38-39, 43-44, 52-53, 83-84].

В Сибирском крае, образованном в 1925 г. после упразднения Енисейской губернии, нередко при открытии национальных школ происходил недоучет школьников. В справке Минусинского окружкома ВКП (б) от 20 февраля 1928 г. было указано, что «РИКи часто считают украинцев, бе

лорусов и даже мордву за русских». Летом 1927 г. Абаканский райисполком не принял в расчет мордовско-белорусское с. Карабеллык в 150 дворов, а Курагинский – с. Шалаболино, где около половины населения составляла мордва [20, л. 1-4].

Уполномоченный по делам национальных меньшинств Курагинского райисполкома в июне 1927 г. сообщал, что собрания граждан и преподавание в школах велись на русском языке, учебников и другой литературы «на языках нацмен» при школах и избах-читальнях не имелось, только некоторые из граждан получали газеты и журналы на родном языке: Шалаболино (мордвин). Дети школьного возраста обучались грамоте с русскими в одних школах, а также и взрослое неграмотное население – на ликвидационных пунктах [21, л. 21].

На пленуме Сибирского краевого совета в ноябре 1928 г. по вопросу о работе среди финно-угров приводился пример неправильного понимания советскими работниками их нужд. Когда в мордовской деревне Боготольского района Ачинского округа была построена национальная школа, председатель райисполкома наложенным платежом отослал обратно присланную литературу для обучения мордвы. Он объяснил это таким образом: «Какая национальность мордва, это просто отдельная группа людей, которая никакого отношения к своему языку не имеет» [22, л. 20, 26].

Несмотря на то, что в регионах Поволжья и Приуралья была налажена подготовка учителей мордовских языков через систему среднего и высшего образования, тем не менее в Сибири их катастрофически не хватало. Недостатки в области просветительской работы и образования в мордовском сообществе отметил сотрудник газеты «Од эрямо», выявленные в ходе посещения Минусинского округа в октябре 1928 г.: «В селе Алексеевке нет ни избы-читальни, ни красного уголка. Есть школа, где преподаватель русский – дочь попа, приспособляющаяся говорить на мордовском языке, есть ликпункт – ликвидатор русский». По словам учительницы, мордва «мало понимает по-русски, нужно им еще переводчиков, скажем по-русски некоторые понимают, так переводят на своем языке своим товарищам, только таким способом и учишь». Поэтому «из школы и ликпунктов учащиеся мордвы, плохо понимающие по-русски, бегут» [6, с. 168-169; 23, л. 102-103, 105].

Серьезной являлась проблема ликвидация неграмотности среди взрослых. В отчете о работе мордовской секции агитационно-пропагандистского отдела Сибкрайкома ВКП (б) за 1926 – первую половину 1927 гг. говорилось о необходимости распространения газет «Од эрямо», «Якстере теште», «Од Веле», подготовки учителей, ликвидаторов неграмотности из мордвы, владеющих диалектом эрзя или мокша. В отчете отмечалось:

«Мордовское население было втянуто в ликпункты в недостаточной степени, а главным образом женщины. Причины: нежелание самих женщин обучаться в ликпункте с целью ликвидации своей технической безграмотности, мотивируя это тем, что мол ходить в ликпункты – это значит бросить свое хозяйство и семью на несколько часов на произвол судьбы... Не пускают учиться в ликпункты сами мужья и родители, указывая, что мы, наши деды и прадеды были неграмотны и жили, так и они будут жить. Если все будут грамотные, то тогда кому же сеять хлеб...». Среди мордвов неграмотных было до 96,0% [24, л. 6-7].

Сложности в обеспечении мордовских школ учителями и литературой объяснились не только слабой издательской базой и недостатком педагогических учреждений, но и различиями мордовских говоров. В Канском округе большинство жителей говорило на наречии эрзя (2028 чел.), часть – мокша (514), остальные на смешанном говоре. В Минусинском округе на диалекте мокша говорили 4637 чел., 3399, на смешанном – 2783 чел. В Хакасском округе 176 жителей использовали говор мокша, 102 – эрзя [18, л. 6].

Вместе с тем, потребности национальных школ частично удовлетворялись. Для Идринского района в 1932 г. был выполнен заказ на 30 букварей на мордовском языке, затем еще 20. Но в Центриздате не оказалось учебников для последующих классов [11, с. 104].

Важной задачей в сфере просвещения была провозглашена антирелигиозная пропаганда и борьба с предрассудками, используя кружки безбожников, чтение лекций по естественно-научной проблематике, внедрение новых праздников и обрядов. Обращалось внимание на распространение среди мордвы баптизма и хлыстовщины, «веками укоренившихся суеверий, знахарства и ворожбы...» [25, л. 54].

Однако религия являлась носителем этнической идентичности и культуры мордвы, маркером общей истории, связей с общими предками и исторической родиной. Мордва была православным народом. На территории Приенисейского края мордовским населением соблюдались православные традиции и отмечались праздники: Рождество, Крещение, Пасха, Троица, Петров день, Покров день. Овчарова М.А. указала на «сохранение также и языческих представлений о Веряве и Ведяве (Матери леса и воды), о домовых; свадебной и похоронной обрядности (похоронные блюда, обычай приносить на поминки свой «помин» и «угощать» им умерших по родительским и поминальным дням, прося у них защиты)» [14, с. 146; 15, с. 305-306]. Мордва весело отмечала Старый Новый год, Масленицу, праздник Ивана Купалы и др.

В процессе советизации общества, безусловно, происходила трансформация религиозных представлений и праздничной обрядности мордвы. Однако консерватизм сельской жизни являлся «мощной поддержкой и опорой групповой самоорганизации» [1, с. 266] и укрепления этничности. Перемены в опосредованной форме нередко закрепляли духовные традиции и последующую адаптацию к новой жизни первопоселенцев и новых потоков мигрантов-мордвы советского времени.

В рамках политики «коренизации», призванной создать прослойку проводников «советизации» в национальных меньшинствах, во второй половине 1920-х гг. проводилась политика этнической консолидации. В 1926 г. в составе бывших округов Енисейской губернии выделено 4 мордовских из 126 национальных сельсоветов: Петропавловское (982 чел. мордвы), Новоберезовское (465) Идринского района. Смешанными сельсоветами были признаны Алексеевский Каратузского района (501), Черемшановский Курагинского района (596), Арбузинский Минусинского района (315) [26, л. 153, 175, 229 об., 251 об.].

Инспекторские поездки 1927 г. по обследованию жизни национальных меньшинств показали «нищенские» условия жизни двух мордовских сел Каратузского района Минусинского округа, где проживало до 450 чел. Отмечалось, что из-за нехватки пахотной земли было необходимо проведение мелиоративных работ по осушению болот. Необходимо выделение средств для создания артелей по выработке дегтя и пихтового масла [27, л. 83]. Курагинский райисполком в июне 1927 г. представил сведения о положении в мордовских деревнях Черемшанка, Верхне-Быстрая, Гуляевка, Викуловка, указав на противоречия среди коми-зырян и мордвы в деревнях Нижней и Верхней Быстрой на почве землеустройства» [21, л. 21]. Отчет мордовской секции Сибкрайкома ВКП (б) за 1926-1927 гг. показал, что мордва не была обеспечена машинами и пользовалась сохами для обработки земли. В то же время по рекомендациям агрономов сельчане начинали приобретать улучшенные семена, строить теплые загоны для домашнего скота и конюшни. Беднота, находившаяся в экономической зависимости от богатых односельчан, на собраниях отказывалась от самовывдвижений в сельсоветы, особой политической активности не проявляла. Ввиду отсутствия врачебного наблюдения за населением были распространены такие заразные болезни, как чесотка и трахома [24, л. 8-9].

В феврале 1930 г. Сибирский крайисполком одним из главных направлений работы среди этнических меньшинств провозгласил «социалистическое переустройство сельского хозяйства на основе массовой коллективизации и ликвидации

кулачества как класса». Кроме того, было рекомендовано проведение довыборов в «национальные сельские советы», посредством которых предполагалось исключить «чуждые» элементы и «максимально вовлечь в их состав батрачество, бедноту, колхозников и лучших середняков». При этом отмечались такие трудности в реализации этой задачи, как специфические национальные особенности (замкнутость, религиозность, родовая связь и пр.), а также слабость общественных организаций [27, л. 151].

Среди мордвы Приенисейского края уже до коллективизации создавались сельскохозяйственные объединения с целью приобретения техники, породистых животных, семян. В 1930-1932 гг. возникли колхозы, объединявшие в основном бедняков и середняков («Новый путь» в с. Тигрицкое, «Труженик» в с. Большая Ничка, «Нацмен» в с. Павловка и др.). Социально-экономическое положение колхозников было сложным из-за чрезмерных планов сдачи сельхозпродукции государству [8, с. 141-143]. Поэтому темпы кооперирования среди мордвы были низкими. В апреле 1930 г. в Идринском районе доля мордовских семей, вошедших в сельхозартели, составляла 30,6% [21, л. 12-13, 17].

С 1926 по 1933 гг., в результате политики коллективизации, разорения деревни и оттока сельского населения в города, сокращения рождаемости и роста смертности в «голодные» 1932-1933 гг. мордовское население деревень Минусинского района сократилось: Большой Нички – с 929 до 790 чел., Верхней Кой – с 901 до 706 чел. [8, с. 143].

В период коллективизации переселение в регионы Сибири прекратилось. С 1935 г. осуществлялось доприселение в колхозы. Из Татарской АССР, Воронежской области, Горьковского края в Красноярский край, который был образован в 1934 г. после разукрупнения Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев, прибыло 78 мордовских семей. Переселенцы везли с собой скот и инвентарь [7, с. 3, 241-243].

В середине 1930-х гг. политика поощрения советским правительством школьного образования национальных меньшинств себя исчерпала. В 1934 г. Наркомпросом РСФСР была издана единая программа по русскому языку для всех нерусских школ [28, л. 13]. В Конституции СССР 1936 г. исчезло упоминание о национальных меньшинствах. В конце 1930-х гг. большинство национальных образовательных учреждений было закрыто или обучение в них переведено на русский язык. В 1938 г. в мордовских селах Верхняя Коя и Большая Ничка Минусинского района преподавание в начальной и неполной средних школах было переведено на русский язык [8, с. 111]. В 1941-1942 гг. в

Красноярском крае остались только 4 начальные мордовские школы [31, л. 1-1об.].

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность мордвы в Красноярском крае в ходе добровольного и принудительного переселения, по сравнению с 1926 г., возросла на 5412 чел., составив 25225 чел. Это составляло 1,28% в доле населения края. Доля горожан среди мордовского населения выросла до 21,5%. Грамотность населения края, в том числе мордвы, существенно увеличилась (77,7%) [5, с. 43, 60].

Важным фактором, обусловившим устойчивость и стратегии выживания мордовских сообществ на территории Приенисейского края, являлась этническая эндогамия, то есть преимущественное заключение браков внутри мордовского этноса. Это обеспечивалось балансом полов: 50,1% мужчин и 49,9% женщин вплоть до начала 1920-х гг. [3, с. 17, 38, 43-44]. Семья являлась важным стабилизирующим фактором, обеспечивавшим воспроизводство мордвы. Численность мордовских домохозяйств деревень Черемшанка на р. Тюхтяты, Черемшанка на р. Кызыр, Сидорово, Томилово, Алексеевка, Петропавловка, Николаевка (Голый Булук) в Минусинском округе в 1926-1930 гг., по данным районных архивов, в среднем составляла 5,3 чел. [31, л. 92об.; 27, л. 153, 156; 4, с. 30-38]. Доля детей в возрасте до 14 лет в среднем у мордвы Минусинского округа насчитывала 23,1%, что свидетельствовало о расширенном воспроизводстве и сохранении традиционно высокой рождаемости [31, л. 92об., 95, 96]. Многодетность мордовских семей иллюстрируется фактом, что в 1934 г. в Павловской школе Минусинского округа набиралось до четырех параллельных классов по 30 учеников в каждом [8, с. 110-111].

Вместе с тем в 1920-1930е гг. вследствие увеличения и усложнения национального состава региона, расширения межэтнических контактов, перекосов половозрастной структуры, ввиду политических потрясений в стране, наметился рост межэтнической брачности. Дисперсность проживания, стирание культурных границ и стереотипов между различными народами приводило к нарушению брачной эндогамии. Смешанные браки у мордвы, как правило, заключались с участием русского населения, реже белорусов и украинцев. Среди мордвы в смешанные браки чаще всего вступали женщины [31, с. 22, 26].

Выводы. Таким образом, на протяжении последней трети XIX – первой трети XX вв. мордовские этнические группы, оказавшись в иноэтнической, инокультурной среде сибирского общества, стремились адаптироваться на новом месте. Стремилась вписаться в новую среду и по возможности максимально сохранить «материнскую культуру» своего народа (традиции, язык, религиоз-

ные представления, хозяйственно-бытовой уклад, механизмы социального контроля в сфере брачно-семейных отношений и пр.). Сельская община сохраняла привычный уклад жизни, тип социальной организации, что объективно способствовало сохранению национальной идентичности.

Пополняя сельское население Сибири, переселенцы испытывали на себе влияние новой естественно-географической, этнической и социально-психологической среды, адаптация к которой имела длительный и противоречивый характер. В исследуемый период мордовское население края увеличилось в 6,7 раза, вследствие естественного прироста, но главным образом за счет миграций. В местах компактного проживания мордвы, прежде всего в Минусинском округе, отмечался более низкий уровень ассимиляции, сохранялись разговорный язык, специфика хозяйственно-бытовой, общественной, культурной микросреды. Чересполосное проживание мордвы в Приенисейском крае обуславливало тенденция к размыванию наиболее значимых черт традиционной культуры, снижению этнической нагрузки такими признаками, как язык, национальная кухня, традиционный костюм, праздничная обрядность и др. Вместе с тем взаимовлияние культур в духовной и материальной сферах способствовало взаимообогащению традиций различных народов Сибири.

Адаптация мордовских переселенцев в сибирское сообщество продолжалось через их вовлечение в социально-экономическое и политическое переустройство региона. В советский период региональные структуры координировали процессы национально-государственного строительства, выявляя особенности расселения, численность, социокультурные и хозяйственно-бытовые характеристики этнических меньшинств. Процесс «коренизации», то есть создания партийно-государственной и хозяйственно-управленческой прослойки, должен был способствовать созданию посреднического аппарата в «советизации» населения. Власти, декларируя права национальных меньшинств на сохранение языка, культуры, особенностей хозяйственно-бытового уклада, вместе с тем унифицировали формы и методы работы с этнодисперсными группами.

Национальные меньшинства, включая мордву, пройдя своеобразный период возрождения, при котором были обеспечены некоторые гарантии этнической, культурно-языковой самобытности, сохранявшие их идентичность и не дававшие раствориться в окружающем инонациональном большинстве, в условиях сложившейся советской политической системы к середине 1930-х гг. утратили возможности последующего саморазвития.

Переход на русский язык при сохранении русско-мордовского двуязычия, изменения в системе

образования трансформировали традиционную культуру и национальное самосознание в русле русификации. Наметилась тенденция к снижению восприятия мордовских диалектов эрзя и мокша как родных. Указанные процессы в боль-

шей мере характеризовали немногочисленное городское, нежели сельское мордовское население Приенисейского края.

Литература

1. Дятлов В.И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока поздней имперской России // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 262-269.
2. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев: в 3-х т. СПб., 1911. Т. 2. 432 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. VI. 362 с.
4. Список населенных мест Сибирского края. Вып. 15. Минусинский округ. Новосибирск: краевой исполком, стат. отдел, 1926. 40 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
6. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг.: сб. документов. Красноярск: ААККК, 2007. Ч. II. 383 с.
7. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-конец 1930-х гг. / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2007. 358 с.
8. Мордва юга Сибири / под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой. Саранск: НИИ гум. наук, 2007. 312 с.
9. Корнишина Г.А. Структура мордовского этноса: методологические аспекты проблем // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 2 (30). С. 10-18.
10. Никонова Л.И., Шанкина Л.Н. Мордва России: к истории вопроса, проблемы и полевые сведения // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 40-49.
11. Лузгин А.С. Мордовский народ: проблема национально-культурной идентичности в российской диаспоре // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 1. С. 102-106.
12. Овчарова М.А. Демографическое развитие мордвы Алтайского края в XX-XXI вв. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4-1 (60). С. 90-93.
13. Овчарова М.А. Устноисторические источники в изучении земледельческих миграций мордвы и формирования поселений в восточной части Сибири в 1930-1940-е годы // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 70-82.
14. Овчарова М.А. Мордва Алтайского края: расселение и этническая идентичность // Вестн. ТПУ. 2007. Вып. 3 (66). Сер. Гуманитарные науки (История). С. 144-150.
15. Шанкина Л.Н. Традиционные праздники мордовских переселенцев Сибири // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. 2011. Т. 10. Вып. 5. С. 305-313.
16. Мордва [Электронный ресурс]. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/mordva/> (дата обращения: 03.08.2022).
17. Мальцева Е.В. Русская топонимия юга Красноярского края (история формирования) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 187-190.
18. Мордовское население по Минусинскому округу 1927 г. // Гос. архив Новосибирской обл. (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1023.
19. Корольков О.Л. Национальные школы народов Поволжья 20-х годов XX века // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 226-230.
20. Справка Минусинского окружкома ВКП (б) 20 февраля 1928 г. // Гос. архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-60. Оп. 1. Д. 617.
21. Доклад об обследовании нацмен деревень. Минусинский окружной отдел народного образования // Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 281.
22. Гусев. О работе среди финно-угров // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3339.
23. Отчет об обследовании Минусинского округа. Октябрь 1928 г. // ГАКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 779.
24. Отчет о работе мордовской секции агитационно-пропагандистского отдела Сибкрайкома ВКП (б) за 1926 - первую половину 1927 гг. // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1647.
25. Резолюция по отчетному докладу Центрального бюро мордовской секции ВКП (б). Апрель 1928 г. // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Ч. 1. Д. 2407.
26. Список смешанных и национальных сельсоветов Минусинского округа Сибкрая // АГМ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 280.
27. Выписка из письма латышского работника Каратузского района Минусинского округа // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1024.
28. В осуществление Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областных наркомпросов РСФСР // Гос. архив Рос. Федерации. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2437.
29. Список национальных школ Красноярского края 1941-1942 гг. // ГАКК. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 531.
30. Численность и состав мордовских домохозяйств // АГМ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 381.
31. Баранцева Н.А. Состояние, динамика и устойчивость этнически однородных и смешанных браков в Хакасии в 1920-1940-е гг. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4-5 (60). С. 19-27.